

ББК 60.542.18

*С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, Г.С. Авдеева,
Н.П. Гончарова, О.Е. Ноянзина*

**Эмпирические модели восприятия старости в условиях
новой геронтологической реальности: сравнительный
анализ результатов социологического исследования
в четырех регионах России***

*S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, G.S. Avdeeva,
N.P. Goncharova, O.E. Noyanzina*

**Empirical Models of Perceiving Ageing in New
Gerontological Reality: Comparative Analysis Based
on the Results of the Sociological Survey in Four
Russian Regions**

Статья посвящена анализу восприятия старости и attitudes к пожилым людям. Представлены результаты психосемантического исследования в четырех российских регионах, раскрываются латентные семантические механизмы, опосредующие восприятие социальных ролей, описываются семантические пространства, репрезентирующие категориальные структуры сознания социальных групп.

Ключевые слова: восприятие старости, социальная установка, категориальная структура сознания, репертуарная решетка.

Современное общество смело можно назвать «стареющим». Экономическая, демографическая и культурная трансформации привели к увеличению продолжительности жизни, расширению границ жизненных ожиданий, падению рождаемости и снижению смертности, что сказалось на количественном соотношении между возрастными группами, увеличении доли пожилых в структуре населения [1]. Постарение населения повлекло за собой комплекс последствий – социально-экономических, психологических, медицинских, правовых.

Ситуация с постарением в России имеет свои особенности: значительная гендерная и географическая асимметрия, старение населения за счет снижения рождаемости на фоне высокой смертности (так называемое старение «снизу»), ранняя десоциализация пожилых, отсутствие системы социальных институтов,

The article is devoted to analysis of perceiving ageing and attitudes towards old people. Using the results of psycho-semantic research in four regions, authors reveal latent semantic mechanisms, mediating perceiving of social roles, describe semantic spaces relevant for different social groups.

Key words: perceiving ageing, attitude, categorical structure of conscience, repertory grid.

способствующих включенности пожилых в социально-экономические процессы [2; 3].

Появляется новый тип социальной реальности, который ввиду актуальных демографических тенденций можно назвать геронтологическим. На институциональном уровне возникает императив трансформации социальной структуры, создания новых и существенной переработки старых социальных институтов, функционально связанных с пожилыми людьми. Индивидам и социальным группам, проживающим в эпоху «стареющего общества», приходится адаптироваться к этой новой реальности, переосмысливать социальные отношения между поколениями, пересматривать репертуар социальных ролей и заново интерпретировать понятия старости, старения, конца жизни.

Восприятие старости преломляется через собственный опыт и сложившиеся в обществе установки по отно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по государственному контракту №16.740.11.0109 «Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии современных россиян: институциональный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа» (2010–2012 гг.), а также по соглашению №14.Б37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» и гранту РГНФ 11-13-22001а/Т «Демографическое старение и адаптивные стратегии лиц пожилого и старческого возраста: региональный аспект».

шению к пожилым людям. От того, какую модальность оно приобретает, зависит в конечном итоге адаптация пожилых людей к своему социальному статусу, комфортность и качество их жизни, а также действия и усилия остальных социальных групп и общества в целом по обеспечению необходимых условий для этой адаптации.

Заявленная тематика восприятия старения и установок по отношению к пожилым людям потребовала применения специальных методов, способных вскрыть имплицитные категориальные структуры сознания у различных социальных групп. Метод репертуарных решеток соответствовал поставленным задачам исследования. В качестве конструкторов были заданы характеристики образа старости и пожилого человека (когнитивные, эмоциональные, оценочные, поведенческие), оцениваемые по семибальной шкале, а в качестве элементов использованы три социальных роли: «Я в старости» (1), «Близкий пожилой человек» (2), «Пожилые люди в целом» (3).

Наполненность социальных ролей конструкторами изучалась путем анализа вариабельности средних значений по шкалам. Для ролевой позиции «Я в старости» наиболее выражены следующие конструкторы: «имея свободное время, посвящают его своим любимым занятиям» ($5,95 \pm 0,08$), «радуются тому, что живут» ($5,83 \pm 0,09$), «добрые, отзывчивые» ($5,82 \pm 0,08$), «вежливые, тактичные, культурные» ($5,64 \pm 0,09$), «имеют большой жизненный опыт» ($5,53 \pm 0,09$), «стремятся к общению, хотят быть услышанными и понятыми» ($5,53 \pm 0,09$), «следят за своим внешним видом и здоровьем» ($5,52 \pm 0,09$). Таким образом, перспективная самооценка происходила на базе конструкторов, связанных с позитивным восприятием жизни, взаимоотношениями с окружающими, поддержкой физической формы и социальной активностью.

Набор ключевых конструкторов для социальной роли «Близкий пожилой человек» совпал с набором для самооценки. Разница состояла в общем сдвиге оценок в сторону меньших значений и изменений нижних позиций рейтинга – переменные смысла жизни уступили место шкалам, касающимся снижения жизненной активности, нравочения молодых и изменений в когнитивной сфере. «Пожилые люди в целом» оценивались еще более негативно: средние значения по всем шкалам не превышали пяти баллов, хотя порядок конструкторов сохранялся. По ряду конструкторов значения были ниже среднего по шкале, что позволило использовать для интерпретации их отрицательный полюс. Так, «Пожилые люди в целом», по мнению испытуемых, ведут затворнических образ жизни, могут быть занудами, склонными к нравочению, любят поплакаться, пожаловаться на свои болезни, у них ухудшаются мышление и внимание, и они чаще задумываются о смысле жизни и смерти.

Как происходит эволюция оценок по мере конкретизации от абстрактного пожилого человека до конкретного «Я»? Какова дискриминантная способность каждого конструктора? В ходе дисперсионного анализа

было выявлено пять типов структур в зависимости от сочетания различия и сходства социальных ролей.

Первый тип характеризуется статистически достоверными различиями ($p < 0,05$) между всеми ролевыми позициями, наибольшие значения соответствуют ролевой позиции «Я в старости» (1), наименьшие – пожилым людям в целом по переменным, касающимся познавательной и двигательной активности, заботы о близких, соблюдения моральных и этических норм.

Второй тип обозначен противопоставлением более высоких значений ролевых позиций «Я в старости» (1) и «Близкий пожилой человек» (2) (между этими позициями различия статистически не значимы) более низким значениям для позиции «Пожилые люди в целом» (3) (различия между группами значимы на 5% уровне) по шкалам, измеряющим изменения в когнитивной сфере, особенности общения характера и поведения, сензитивность и гибкость мышления. По этим параметрам близкий пожилой человек выступает эталоном, которому респонденты хотели бы соответствовать в старости.

Третий тип характеризуется значимыми отличиями между социальными ролями «Я в старости» (1) и «Пожилые люди в целом» (3), тогда как между другими парами позиций различия не достоверны. Данный тип структуры проявляется при оценивании по конструкторам «внимательно следят за событиями в мире, дискутируют на политические темы», «опасаются стать обузой, стремятся жить отдельно, стараются помочь», что отражает идею независимости, стремления быть в курсе событий и не выпасть из контекста современности.

Четвертый тип представляет собой частичную инверсию предыдущей структуры: значимые различия наблюдаются между третьей и второй позициями, незначимые – между каждой из этих позиций в сочетании с первой. Этот тип структуры соответствует лишь для одного конструктора – «отвергают мысли о смерти, верят, что все еще впереди». Тот факт, что самооценка респондентов по данному конструктору ниже оценки близкого пожилого человека, позволяет предположить, что у испытуемых существуют сомнения, смогут ли они в старости быть такими же оптимистами, как их близкие, или они будут задумываться о смысле жизни и логическом конце, что соответствует их типичным представлениям об образе мышления пожилых.

Для *пятого типа* структуры характерно отождествление второй и третьей позиций, их противопоставление первой, что может быть интерпретировано как «мой близкий пожилой человек такой же, как все пожилые, но я в старости буду другим». Подобный тип различий выявлен для одного конструктора – «ведут активный образ жизни (клуб по интересам, спорт, выезды на природу, театры, музеи, выставки)». По мнению респондентов, пожилые люди в основном никуда не выходят, их круг общения ограничен, в то время как они в старости надеются вести более активную, деятельную жизнь.

Следующий этап исследования был ориентирован на выявление горизонтальных отношений между конструктами и поиске конструктов более высокого уровня, задающих систему координат смыслов и значений, обуславливающих диспозиционную регуляцию взаимодействий между поколениями.

Семантические связи между конструктами изучались с помощью иерархического кластерного анализа, в котором в качестве меры сходства использовался коэффициент корреляции Пирсона. Таким образом, мы совместили два вида анализа: корреляционный, позволяющий увидеть, какие конструкты работают синхронно, и кластерный, главная цель которого – классификация на основе последовательного объединения элементов в иерархически организованные группы.

Общими для всех исследуемых групп (по полу, возрасту, региону проживания) являются взаимосвязи между следующими конструктами: 1) образованность, большой жизненный опыт и рассудительность; 2) изменения в когнитивных процессах – внимании, мышлении, памяти и речи; 3) познавательная активность и энергичность, желание быть полезными; 4) доброжелательность, терпение, умение прощать. Выделенные четыре типа взаимосвязей представляют семантические инварианты, или универсалии, присутствующие восприятию пожилых людей, не зависящие от возраста, пола и места проживания испытуемых. Это четыре вектора, отражающие физическую, духовную, личностную и социальную стороны человеческой природы, которые в старости приобретают качественно иное, отличное от других возрастов содержание.

Нужно отметить, что на первых этапах агломерации объединялись конструкты, в которых были заложены понятия, являющиеся синонимами, или дериватами, на языковом уровне, например, «снисходительные» и «терпимые», «*внимание* не изменяется» и «*внимательно следят*», на более высоких уровнях классификации возникали более тонкие связи, лежащие за гранью их очевидного, прагматического употребления.

Так, для того чтобы быть в старости полезными, нужно познавать все интересное и помогать молодым понимать жизнь, радость к жизни проявляется в заботе о близких, а уход за собой ассоциируется с желанием подражать молодым. Последнее выводит нас на социальный миф о вечной молодости, культивируемый в современном обществе, сквозь который преломляются традиционные отношения между поколениями, основанные на почитании старших и важности передачи опыта, культурных ценностей и знаний молодому поколению.

Мужчины ассоциируют доброжелательность и умение прощать с чувствительностью и остротой восприятия, а уход за здоровьем – с активным образом жизни. Структура связей, полученная на женской выборке, отличается большей артикулированностью, что свидетельствует о более целостном восприятии ими системы заданных конструктов. Типично жен-

скими нюансами восприятия являются взаимосвязь активного образа жизни и уровня здоровья с общением, а оптимизм возводится до уровня философии, помогающей молодым понять жизнь.

Далее были проведены сравнения в группах по возрасту. Молодежная специфика проявилась во взаимосвязи когнитивных возможностей с гибкостью мышления, а тандема «оптимизм – альтруизм» – с рассудительностью. Восприятие социальных ролей лицами среднего возраста относительно не дифференцировано, ограничено небольшим числом оснований (измерений), конструкты сильно взаимосвязаны и образуют иерархически организованные комплексы. Для кластер-структуры, релевантной для самой старшей группы, характерно сходство конструктов, ориентированных на внешний вид, здоровье, требовательность к себе и другим, с конструктами, касающимися культуры, вежливости, отзывчивости и сочувствия. Таким образом, в одной связке оказываются категории, которые можно обозначить термином «культура бытия», проявляющаяся во внутренней культуре, самоотношении, определенном образе жизни и внешней культуре, демонстрируемой во взаимоотношениях с окружающими.

Особенности регионов проявились в сочетании инвариантных взаимосвязей друг с другом и другими конструктами, а также в уникальных связях между конструктами, ранее не встречавшихся на других выборках.

Специфичной для Алтайского края стала взаимосвязь доброты и культуры поведения с желанием заниматься в старости любимыми занятиями и стремлением помочь, когнитивные изменения связаны с философским видением действительности, помогающим молодым понять жизнь, а потребность в общении органично сочетается с познавательной активностью и энергичностью.

Кластер-структура, полученная на данных Кемеровской области, характеризуется наибольшей фрагментарностью, что проявляется в наименьшей интенсивности взаимосвязей между конструктами и большем количестве кластеров, в которые они объединяются. Это свидетельствует о том, что у жителей Кемеровской области не существует устоявшейся системы оценки пожилых, их восприятие диффузно и осуществляется по многим основаниям. Специфичными для данного региона являются взаимосвязи чувствительности с потребностью в общении, а оптимистичности с философским восприятием действительности.

Уникальной для Красноярского края является взаимосвязь энергичности и познавательной активности с заботой о близких, а также семантическое сходство беззащитности и доверчивости со стремлением подражать молодым. Вероятно, в представлениях жителей Красноярского края пожилые люди чувствуют себя в современном мире не совсем уютно, что заставляет их прислушиваться к мнению молодых и подражать им. Эта взаимосвязь еще раз подчеркивает идею ори-

ентации современной культуры на будущее при полном игнорировании и неуважении к прошлому, в том числе к старым и пожилым людям.

Результаты кластерного анализа для Саратовской области характеризуются наибольшей артикулированностью из всех подвыборок: относительная сумма квадратов корреляций – 0,18. Это означает, что социальные представления о пожилых людях у жителей данного региона отличаются меньшей дифференцированностью, многие личные характеристики, отражающие разные стороны межличностного восприятия и взаимодействия, воспринимаются ими как нечто единое, однозначное. Кроме того, для кластер-структуры Саратовской области характерно наличие уникальных взаимосвязей между конструктами «большой жизненный опыт» и «философы, помогающие молодым понять жизнь»; «мыслят реалистически, помогают понять какую-то проблему» и «энергичны, стараются быть полезными»; «следят за своим внешним видом и здоровьем» и «познают все интересное».

На следующем этапе на каждой из подвыборок был проведен факторный анализ, результаты которого сравнивались с помощью процедуры прокрустова анализа. В результате сравнения ординаций факторных нагрузок сделан вывод об их идентичности на уровне более 70% и, следовательно, значительном сходстве семантических измерений, по которым происходит оценка пожилых людей, и опосредующих восприятие старости в целом. Это позволило допустить проведение факторизации данных общей выборки и вычислить координаты семантического пространства по факторным оценкам не только для социальных ролей, но и для отдельных половозрастных и территориальных групп. Таким образом, в едином семантическом пространстве оказались все значимые для исследования элементы, и появилась возможность их сопоставить.

В итоге было выделено пять значимых факторов с весом более 1,0. Первый соответствует фактору оценки и касается отношения к жизни, другим людям и самоотношения в терминах заботы, самопожертвования, толерантности. Второй фактор описывает когнитивные ресурсы и особенности мышления пожилых людей. Инволюционные изменения сочетаются с приобретением жизненного опыта и мудрости, а жизненная

энергия направляется на познание мира и получение информации. Третий фактор характеризует социальную активность пожилых, позволяющую почувствовать вкус жизни и вновь стать молодым, самореализоваться и отвечать требованиям к самому себе. Четвертый – фактор уязвимости, заключающийся в наивном, чрезмерно доверчивом восприятии действительности, сопряженном с неадекватной самооценкой, неспособностью принять свой возраст и подвести жизненные итоги. Пятый фактор отражает потребность в независимости и желание помочь, сопряженные со страхом в старости стать обузой для окружающих.

Семантическое пространство, построенное на основе совместной конфигурации по двум главным компонентам (оценки и когнитивных ресурсов), отражает категориальную структуру жителей российских регионов и характеризуется следующим:

- по фактору оценки позиция пожилых людей в целом, оцениваемая негативно в свете двух факторов, противопоставляется социальным ролям «Я в старости» и «Близкий пожилой человек»;

- самооценка наделяется характеристиками «ведут активный образ жизни» и «следят за своим внешним видом и здоровьем»;

- социальная роль близкого пожилого человека лучше всего описывается конструктом «опасаются стать обузой, стремятся жить отдельно, стараются помочь»;

- сопоставление проекций для половозрастных групп показало, что в младшей и средней группах различия по полу незначительны (координаты точек расположены геометрически близко), тогда как в старшей группе наблюдается значительное расхождение между мужчинами и женщинами;

- региональные сравнения показали, что наибольшим сходством восприятия обладают жители Красноярского края и Саратовской области, их оценки нейтральны и сопоставимы с оценками мужчин среднего возраста и мужчин старшей возрастной группы. Жители Алтайского края занимают позицию, близкую к профилю «Я в старости», оцениваемую наиболее положительно в структуре значений и смыслов, заданных факторами. Кемеровская область «выпадает» из общего тренда регионов, сближаясь с позицией «Пожилые люди в целом».

Библиографический список

1. Максимова С.Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе. – Барнаул, 2006.

2. Крутько В.Н., Смирнова Т.М. Анализ тенденций смертности и продолжительности жизни населения России в конце XX века. – М., 2002.

3. Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. – 2005. – №3.